

ДЕТЕКТИВНОЕ РЕТРО

ЧИТАЙТЕ
ЗАХВАТЫВАЮЩИЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ РОМАНЫ
АЛЕКСАНДРА РУЖА
В СЕРИИ
«ДЕТЕКТИВНОЕ РЕТРО»:

Зов Полярной звезды
Охота на черного короля
Авалон

АВАЛОН

АЛЕКСАНДР РУЖ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р83

Редактор серии *А. Антонова*

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Руж, Александр.

Р83 Авалон : роман / Александр Руж. — Москва :
Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-219915-8

Москва, декабрь 1925 года. Сотрудник ОГПУ Вадим Арсеньев, находящийся в психиатрической больнице, встречается там с Сергеем Есениным. Знаменитый поэт очень взвинчен, его посещают видения, за окном ему чудится черный человек — это происходит после того, как Есенин открывает серебряный портсигар и звучит навязчивая мелодия. Он предчувствует, что скоро с ним случится беда, и просит Вадима о помощи...

Вскоре Арсеньева забирают из больницы и привозят на Лубянку, к заместителю председателя ОГПУ Менжинскому. Тот рассказывает, что за последнее время произошло несколько странных преступлений: при разных обстоятельствах погибли видные советские деятели — Котовский, Фрунзе и, наконец, Сергей Есенин, покончивший с собой в ленинградской гостинице «Англетер». Вадиму дано задание расследовать обстоятельства смерти Есенина, ведь поэт зашифровал его имя в своем последнем стихотворении...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Руж А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-219915-8

Вступление

Эту историю следовало бы начать с пасмурного осеннего дня 1925 года, когда в Москве попал на операционный стол выдающийся государственный деятель. У него обнаружили язву двенадцатиперстной кишки, консилиум, проведенный лучшими врачами республики, рекомендовал операцию, с чем пациент согласился безоговорочно. Его определили в Солдатенковскую больницу, считавшуюся лучшей в столице. Здесь лечили вождей, поэтому под сводами корпусов, расположенных к северу от центра города, в районе Октябрьского Поля, были собраны виднейшие медицинские кадры.

Ответственным за проведение операции назначили хирурга Розанова. Его кандидатура ни у кого не вызывала сомнений. В прежние годы он успешно удалил аппендицит Сталину и извлек пулю из руки Ленина. Его нынешний пациент чувствовал себя со-

вершенно спокойно и заявлял, что решением консилиума полностью удовлетворен. «Вы уж, доктор, покопайтесь во мне, — говорил он Розанову. — Эта проклятая болячка уже много раз давала о себе знать. Сделайте так, чтобы я о ней забыл навсегда».

В один из последних дней октября медицинская бригада в белых халатах обступила лежащего на столе голого человека, чье мужественное лицо с высоким лбом и пышными усами было хорошо знакомо по фотографиям в передовице «Правды» и агитплакатам времен Гражданской войны. Больной ободряюще улыбнулся и сказал, что готов. На его нос и рот накинута сложенная в несколько слоев марля, на которую анестезиолог начал капать из склянки эфир.

С Розановым в этот момент происходило что-то не совсем объяснимое. Всегда уравновешенный и уверенный в себе, он переминался с ноги на ногу и нервно стискивал в руке скальпель. Лысая макушка, обрамленная валиком редких волос, покрылась испариной. Матерчатая маска скрывала щеки, и никто не видел, как по ним пробегал тик. Однако пожилой анестезиолог, знавший Розанова двадцать лет, заметил неладное и шепотом спросил:

— Владимир Николаевич, порядок?

Его работа требовала оперативности и четкости, поэтому он и речь свою выстраивал предельно скупую, научившись обходиться совсем без глаголов.

— Да! — ответил хирург чересчур резко и вгляделся в осовелые, но по-прежнему открытые глаза пациента. — Почему он не спит? Сколько влили эфига?

Потомственный дворянин, привыкший с детства говорить по-французски, он заметно грассировал.

— Шестьдесят граммов. В три раза больше нормы...

— Лейте еще. Или вот что... Добавьте хлогофогму.

— Сочетание с эфиром — опасность, — заикнулся анестезиолог. — Остановка сердца...

— Делайте, как я сказал! Сегдце у него отменное, дай ,ог каждому.

После ударной порции наркоза больной наконец заснул. Розанов слегка подрагивавшими руками вскрыл брюшную полость.

— А язва-то зарубцевалась! — воскликнула молодая медсестричка, заглянув в кровавую дыру. — Зря только резали. Будем зашивать?

— Ни в коем случае. — Розанов хищно вонзил скальпель в сочащуюся плоть. — Пговегим заодно желудок, печень, слепую кишку...

— Сердечная деятельность слабеет! — с тревогой заметила медсестра, державшая на груди пациента щупальце стетоскопа.

— Выдегжит... Опегигуем дальше!

Ассистенты переглянулись. Испарина на лысине научного светила превратилась в крупные капли

пота, они стекали на брови, заливали глаза. Стекла очков покрылись туманной поволокой. Склонившийся над неподвижным телом хирург походил на одержимого, который механически выполняет действия, не очень-то осознавая, что именно он творит.

Через час с небольшим пациента с изрезанными внутренними органами заштопали, а сутки спустя он скончался от сердечного паралича.

Впрочем, брать это событие за точку отсчета будет с нашей стороны некорректно, ибо тремя месяцами ранее свершилась еще одна трагедия, так же мало поддающаяся логическому обоснованию, как и случай в Солдатенковской больнице.

Легендарный военачальник, кавалерист-рубака, отдыхал от ратных дел на берегу Черного моря, в небольшом поселке Чабанка, в тридцати километрах от Одессы. Утомленный шумихой вокруг своей персоны, он мечтал пожить на юге тайно, но о его приезде мигом узнали местные, и с тех пор отбоя не было от посетителей, желавших лично засвидетельствовать почтение герою. Так пролетел отпуск, настала пора возвращаться в Москву. В последний вечер его пригласили выступить в пионерском лагере, где он в сотый, если не в тысячный раз рассказывал, как крошил в капусту банду атамана Антонова. А после, уже почти ночью, красные командиры, квартировавшие неподалеку, решили устроить торжественные проводы. Он пошел с неохотой: ему надоели бесконечные

чествования, лстивые речи и однообразные то-сты. Жена уже собрала чемоданы, подготовившись к утреннему отъезду.

Проводы не задались. Звенели стаканы, звучали здравицы, а виновник торжества сидел, свесив большую, тщательно обриту и блестящую, как бильярдный шар, голову, ко всему безучастный и молчаливый. Так прошло три часа. Он поднялся, скупоблагодарил за ужин, попросил жену уложить маленького сына, а сам задержался еще на несколько минут, чтобы переговорить с кем-то из нужных людей. Окончив разговор, он направился к дому, в котором остановился с семьей на время отпуска. Из-за темноты, смолистой и почти непроглядной, как всегда бывает летними южными ночами, он не видел, что за ним крадется человек с «наганом». На небосклоне мерцали только крошечные звезды — отблески далеких, никому не ведомых миров.

На углу главного корпуса, в котором размещалось большинство отдыхающих, прославленный полководец замедлил шаг — ему захотелось подышать ночной прохладой. Чтобы не сбиться с дороги и не натолкнуться на препятствие, он зажег спичку и осветил ею пространство подле себя.

Тут его и настиг убийца. Первая же пуля разорвала аорту, и герой погиб на месте. На выстрелы прибежали курортники, примчалась расхристанная жена. Она схватила запястье мужа — пульс не бился.

Окровавленный труп перенесли на веранду, уложили на дощатый настил. Зажгли все светильники, какие попались под руку, кто-то протелефонировал в одесскую милицию. Пока жена рыдала над убитым, все гадали, кто мог совершить это святотатство, покусь-ся на всенародного любимца, которому толпа иступленно аплодировала, куда бы он ни приезжал.

Терзаться догадками пришлось недолго. На веранду вбежал мужчина в полувоенной форме со щетинистым лицом, похожим на обезьянью морду. Это был начальник охраны сахарного завода, в округе его хорошо знали. Он упал на колени и истерично взвыл:

— Это я убил командира!

Новоиспеченная вдова, пребывавшая в состоянии шока, назвала его мерзавцем и прогнала вон. На рассвете он явился вторично и без сопротивления сдался прибывшим из Одессы милиционерам.

Несмотря на то что подозреваемый сразу признал вину, разбирательство забуксовало. Следователей интересовала причина, по которой щетинистый охранник расстрелял краскома, с которым дружил более шести лет. В войну он прятал командира от беляков у себя на чердаке, а тот в знак благодарности помог ему получить нынешнюю должность. Между ними не существовало и не могло быть никаких распрей.

Убийца и сам недоумевал по поводу содеянного. В ходе следствия он трижды менял показания: сна-